

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЦЕРКОВНОГО РАССЕЯНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В ПИСЬМАХ ДУХОВЕНСТВА ИЗ ПАРИЖА НА
ВАЛААМ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Татьяна Ивановна Шевченко

кандидат богословия, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской
Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
127051, г. Москва, Лихов пер., 6/1, оф. 219
tatyana_valaam@mail.ru

Для цитирования: Шевченко Т. И. Проблемы русского церковного рассеяния в Западной Европе в письмах духовенства из Парижа на Валаам межвоенного периода // Богословский вестник. 2023. № 4 (51). С. 227–255. DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.011

Аннотация

УДК 2-67 (27-9) (82-6)

В статье анализируется содержание писем 1927–1938 гг. трёх священнослужителей-эмигрантов, которые писали письма из Парижа и его окрестностей в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, находившийся в Финляндии. Авторы писем — будущие архимандриты Афанасий (Нечаев), Стефан (Светозаров), протоиерей Симеон Солодовников. Все трое возглавляли приходы и вели активную пастырскую деятельность. В письмах отражены их мысли о происходивших событиях, аргументы в пользу выбора той или иной стороны в юрисдикционных спорах между митрополитом Евлогием (Георгиевским), Архиерейским Синодом РПЦЗ и Московской Патриархией, а также упоминаются малоизвестные факты того времени. Автор статьи представляет содержание писем в контексте исторической ситуации, сложившейся в русском церковном зарубежье в межвоенный период, рассматривает такое явление, как «церковный параллелизм» юрисдикций и то, как он отразился на судьбе каждого из упомянутых священнослужителей.

Ключевые слова: русское церковное зарубежье, русский экзархат в Западной Европе, архимандрит Афанасий (Нечаев), архимандрит Стефан (Светозаров), протоиерей Симеон

Солодовников, митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Вениамин (Федченков), Валаамский монастырь, русское церковное рассеяние, православная диаспора, Русская Православная Церковь Заграницей, «Парижская митрополия».

Problems of the Russian Church's Diaspora in Western Europe in the Letters of the Clergy from Paris to the Valaam Monastery During the Interwar Period

Tatiana I. Shevchenko

PhD in Theology, PhD in History Sciences

senior researcher at the Department of Russian Orthodox Church's Modern History at the St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University

of. 219, 6/1, Likhov per., Moscow, 127051, Russian Federation

tatyana_valaam@mail.ru

For citation: Shevchenko, Tatiana I. "Problems of the Russian Church's Diaspora in Western Europe in the Letters of the Clergy from Paris to the Valaam Monastery During the Interwar Period". *Theological Herald*, no. 4 (51), 2023, pp. 227–255 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.011

Abstract. The article analyzes the content of the letters of three emigrant clergymen who wrote letters from Paris and its environs to the Lord's Transfiguration Valaam Monastery, located in Finland. The correspondence dates back to 1927–1938. The authors of the letters – future Archimandrites Athanasius (Nechaev) and Stephan (Svetozarov) – one after another were deans of Russian parishes of the Moscow Patriarchate in Western Europe in 1933–1947. The letters relate to the period of jurisdictional disputes between Metropolitan Eulogius (Georgiyevsky), the Bishops' Synod of the Russian Orthodox Church Abroad and the Moscow Patriarchate, after which Metropolitan Eulogius became subordinate to the Patriarch of Constantinople in 1931. The two aforementioned authors of the letters remained in the jurisdiction of the Moscow Patriarchate. The third author, Archpriest Simeon Solodovnikov, who had fled the USSR in 1930, joined the Russian Orthodox Church Abroad. All three clergymen headed parishes and conducted active pastoral activities. The letters reflect their thoughts about the events that took place, arguments in favor of choosing one or another party in jurisdictional disputes, and also mention little-known facts of that time. The article's author presents the letters' content in the context of the historical situation that developed in the Russian church abroad during the interwar period, considers such a phenomenon as «church parallelism» of jurisdictions and how it affected the fate of each of the mentioned clergymen.

Keywords: Russian Orthodox Church Abroad, Russian Exarchate in Western Europe, Archimandrite Athanasius (Nechaev), Archimandrite Stephan (Svetozarov), Archpriest Simeon Solodovnikov, Metropolitan Eulogius (Georgiyevsky), Metropolitan Benjamin (Fedchenkov), Valaam Monastery, Russian church dispersion, Orthodox Diaspora, Russian Orthodox Church Abroad, «Parisian Metropolis».

Введение

Как известно, в Западной Европе в среде русского церковного рассеяния как итог юрисдикционных распрей 1920–1930-х гг. возникли три параллельные юрисдикции — зарубежная («карловацкая»), западно-европейская («евлогийская») и московская («сергианская»). «Карловацкая» подчинялась Синоду русских архиереев за границей во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) в Сремских Карловцах, «евлогийская» — отколовшемуся от них (1926–1927) митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и «сергианская» — подчинявшаяся Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому), самая малочисленная. Митрополит Евлогий в 1931 г. подчинился Константинопольскому патриарху, а заграничный Архиерейский Синод и Московская Патриархия всё больше обособлялись друг от друга. Это явление исследователи иногда называют «внутрирусским церковным параллелизмом» и «параллелизмом юрисдикций»¹.

Соответственно, главной проблемой русской церковной эмиграции в Западной Европе межвоенного периода стали отношения между этими юрисдикциями, установление границ, выяснение причин расхождений и обоснование занятых позиций. Всё это накладывалось на сложности в организации церковного управления, трудности собственно эмигрантской жизни с её неопределённостью и поисками средств к существованию. Эмигранты внимательно следили за тем, что происходило в России, старались по силам помочь гонимой Русской Церкви, преимущественно молитвами, конечно, а в некоторых случаях и политическими выступлениями. Последние резко осуждались советскими властями и, в свою очередь, становились очередным поводом к разделению в зарубежье, что было на руку советским властям и болезненно переживалось самими эмигрантами.

В предлагаемой статье, на основе анализа писем трёх представителей русского эмигрантского духовенства в Париже, показаны проблемы русского церковного рассеяния в Западной Европе межвоенного периода, реакция на них и отношение к ним самих пастырей-эмигрантов. В качестве источниковой базы использованы материалы фонда Валаамского монастыря (№ 762) из Национального архива Республики

1 Лузович В. Константинопольский патриархат и православная диаспора в XX в.: полемика вокруг создания экзархата православных русских церквей в Западной Европе // Вестник ПСТГУ (Серия I). 2014. № 5 (55). С. 28.

Карелия (НАРК)²: письма иеромонаха Афанасия (Нечаева), протоиерея Симеона Солодовникова и игумена Стефана (Светозарова). Переписка впервые была упомянута в 2001 г. в книге О. А. Ярового и И. А. Смирновой³ как источник по трудностям эмигрантской жизни; церковный аспект в книге не затрагивался.

До сего дня сложная история церковной жизни русской эмиграции и её разделений вызывает споры, причиной которых являются, в том числе, труднодоступность и малоизученность архивных источников. Письма вышеупомянутых священнослужителей отражают их позиции по насущным церковным вопросам, раскрывают особенности эмигрантской жизни и порой свидетельствуют о малоизвестных фактах. Каждый из авторов в разное время возглавлял приходы и вёл активную пастырскую деятельность, а архимандриты Афанасий (Нечаев) и Стефан (Светозаров), один за другим, были благочинными приходов Московского Патриархата, то есть несли важную общецерковную нагрузку, оставаясь наставниками прихожан. Священнослужители — особая глава в истории русской эмиграции — на них практически всё держалось. Зачастую именно от духовенства зависело устройство общественно-церковной жизни в рассеянии: вокруг них собирались прихожане, организовывались приходы и братства, с ними делились проблемами целые семьи и с их благословения устраивали свою жизнь на новом месте.

Общая характеристика русской церковной эмиграции и её «парижского центра» 1920–1930-х гг.

Первые попытки осмыслить события тех лет предпринимали уже современники⁴. Их работы носили преимущественно полемический харак-

- 2 Автор выражает благодарность директору ГБУ НАРК Александру Николаевичу Морозову и сотрудникам архива за содействие в работе с фондами.
- 3 Смирнова И. А., Яровой О. А. Валаам: под флагом Финляндии. Петрозаводск, 2001. С. 82–90.
- 4 *Елевферий (Богоявленский), митр.* Церковный парижский откол. [Каунас], 1931. С. 4–50; По делу митрополита Евлогия // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы / ред. прот. В. Силовьев. Москва, 2001. [ЖМП. 1931. № 2]. С. 24–30; [1931. № 3]. С. 37–39; [1931. № 6]. С. 75–80; [1932. № 7–8]. С. 85–88; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни / восп., излож. Т. И. Манухиной. Париж, 1947. [Москва, 1994]. С. 431–500; *Польский М., протопр.* Очерк положения Русского Экзархата Вселенской юрисдикции. Джорданвилль, 1952. С. 4–30; *Куломзин Н. А., свящ.* Церковное положение Экзархата Патриарха Вселенского в Западной Европе: Завет митрополитов Евлогия и Владимира // Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 12–16; *Александров И.* О значении Русского Экзархата Вселенского

тер, они печатались в эмигрантских журналах «Грани», «Посев», «Континент», «Православная Русь», «Православный путь», «Православная жизнь» и др. Составленная А. В. Поповым в 2005 г. библиография основных работ по теме русского православного зарубежья за 1918–2004 гг. включает 3240 наименований⁵. С начала 1990-х гг. число исследований по этой теме неуклонно возрастает⁶. Выходят справочники⁷, монографии⁸, сборники⁹, статьи¹⁰ и публикации источников¹¹. Относительно русского церковного рассеяния в Западной Европе можно упомянуть труды епископа Саввы (Тутунова)¹² и А. А. Кострюкова¹³. Нельзя про-

- Патриарха в Западной Европе // Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 17–20; *Тальберг Н. Д.* К соколатетию пагубного евлогического раскола. Джорданвилль, 1966. С. 3–126; и др.
- 5 *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники: с приложением систематической библиографии. Москва, 2005. С. 3–617.
 - 6 После десятков лет взаимного разобщения // ЖМП. 1995. № 5. С. 53–54; *Соловьёв И. В.* Дни примирения: Попытка воссоединения Русского Западноевропейского Экзархата с Московской Патриархией // ЦИВ. 1999. № 4/5. С. 232–245; *Зорина М. А.* Западноевропейский Экзархат Русской Православной Церкви в начале 30-х гг. XX в. // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 325–336 и др.
 - 7 *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический справочник. Москва; Париж, 2007. С. 3–573; *Косик В. И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: Материалы к словарю-справочнику. Москва, 2008. С. 3–400; и др.
 - 8 *Хмыров Д. В.* Русская Православная Церковь за границей в 20-е гг. XX в. Санкт-Петербург, 2016. С. 3–486; и др.
 - 9 Столетие двух эмиграций. 1919–2019 гг.: сборник статей / ред. А. Ю. Тимофеев. Москва, 2019. С. 3–402; и др.
 - 10 *Назаров М. В.* Три ветви русского зарубежного православия // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 3–13; *Попов А. В.* Русская Православная Церковь за границей: образование и раскол (1920–1934) // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 162–185; *Агеев Д., свящ.* Экзархат православных русских приходов в Западной Европе: Хроника взаимоотношений с Русской Православной Церковью // ЦИВ. 2007. № 12/13. С. 5–53; и др.
 - 11 Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) и митр. Евлогия (Георгиевского), Управляющего православными русскими церквями в Западной Европе 1927–1930 гг.: Док-ты из Архива ОВЦС МП // ЦИВ. 1998. № 2. С. 75–110; № 3. С. 105–124; № 4. С. 124–145; 1999. № 1. С. 218–261; и др.
 - 12 *Савва (Тутунов), иером.* Церковно-правовые основания существования «Парижской Митрополии» в 1921–1946 гг. // ЦИВ. 2005–2006. № 12–13. С. 104–113; *Савва (Тутунов), иером.* «Независимая архиепископия» в Париже: 1965–1971 гг. // XVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Москва, 2007. Т. 1. С. 304–307; *Савва (Тутунов), иером.* Западноевропейский экзархат русских приходов Константинопольского Патриархата // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 752.
 - 13 *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. Москва, 2012. С. 3–622.

пустить и справочник-пособие В. А. Кузнецова (2014), содержащий 700 биографий и краткие сведения о русских зарубежных монастырях и иноческих общинах¹⁴. Среди зарубежных изданий — подготовленный в Париже сборник материалов существовавшего в 1923–1939 гг. во Франции русского братства Святой Софии¹⁵ и др.

Вышеупомянутые священнослужители писали в находившийся в Финляндии Спасо-Преображенский Валаамский монастырь из Парижа и окрестностей. Именно там преимущественно концентрировались рассеянные по всей Франции русские эмигранты. Как утверждают современные исследователи, из более чем двухмиллионной пореволюционной русской эмиграции, около 400 тысяч человек нашли приют именно во Франции¹⁶. Эту цифру называл Международный Красный Крест в 1929 г. Современники считали её сильно завышенной и оставались на 100–150 тысячах¹⁷. По официальной статистике в 1937 г. только в Париже проживало 32 915 русских, имевших нансеновские паспорта¹⁸. Тем не менее

«из двух с половиной миллионов всех иностранцев, проживавших во Франции между двумя мировыми войнами, русские по численности были на последнем месте»¹⁹.

Как полагают исследователи, если до революции в России диаспоры являлись «своего рода перифериями своей родины, заграничными форпостами её веры и культуры», то после 1917 г. они, «лишившись опоры», демонстрировали стремление «к созданию некоей альтернативной России за пределами СССР», в русских церковных организациях распространились тенденции, «направленные на автокефальное, независимое от Москвы устройство»²⁰. Хотя в целом всё именно так и выглядело, в письмах конкретных вышеупомянутых авторов автокефалистских настроений не наблюдалось. Они переживали отрыв от Русской Церкви

14 Кузнецов В. А. Русское православное монашество в XX веке: биографический справочник. Екатеринбург, 2014. С. 3–439.

15 Братство Святой Софии: Материалы и документы, 1923–1939 / сост. Н. А. Струве. Москва; Париж, 2000. С. 3–333.

16 Антонов В. В., Кобак А. В. Русские храмы и обители в Европе. Санкт-Петербург, 2005. С. 279.

17 Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: 1920–1970. Нижний Новгород, 2019. С. 32–33.

18 Там же. С. 34.

19 Там же.

20 Зверева С. Страницы истории православной духовной музыки в Великобритании // Русское присутствие в Британии / сост. Н. В. Макарова и О. А. Моргунова (Петрунько). Москва, 2009. С. 154.

как трагедию и искали пути единения с ней, что по тем или иным причинам оказывалось невозможно.

Париж в конце 1920-х — 1930-е гг. стал крупнейшим центром церковной жизни русского рассеяния, в том числе благодаря усилиям управлявшего русскими православными приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), сумевшего поставить на нужные рельсы дело устройства в 1924 г. Свято-Сергиевского подворья, а в 1925 г. — и Свято-Сергиевского Богословского института. В институте преподавали переехавшие из Праги и Белграда крупные русские религиозные мыслители, среди которых протоиерей С. Булгаков, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, Г. П. Федотов, С. С. Безобразов. Институт окончили двое из троих вышеупомянутых авторов писем.

К экзархату митрополита Евлогия к середине 1930-х гг. принадлежало свыше тридцати новоустроенных православных церквей в Париже и окрестностях, к началу Второй Мировой войны во всём экзархате насчитывалось около сотни приходов и церковных общин²¹. Процесс шёл везде примерно одинаково: вначале устраивали домовый храм с переносным антиминсом; затем, при росте числа прихожан, устраивали небольшие деревянные церкви; потом, если удавалось, строили каменные храмы на пожертвования. При приходах организовывали библиотеки, певческие хоры, кружки, приюты, курсы по изучению православия, медицинские пункты и, наконец, набравшие в предреволюционной России популярность православные братства. Жили бедно. В письмах часто упоминаются материальные трудности. Авторы просили прислать из монастыря церковную утварь, облачения, богослужебные книги, просили оплатить пересылку.

Все трое авторов вначале подчинялись митрополиту Евлогию, но отошли от него в 1931 г. после того, как тот перешёл в подчинение патриарху Константинопольскому, отказавшись подтвердить лояльность советской власти. Болезненный процесс смены юрисдикции отражён в письмах. Авторы являлись представителями трёх категорий священнослужителей: 1) священников, принявших сан ещё до революции и эмигрировавших — «старой гвардии», порой так и не сумевшей «вписаться» в новую реальность; 2) принявших сан в эмиграции и сумевших приспособиться к новым условиям; 3) принявших сан в эмиграции, не сумевших себя найти и вернувшихся в Россию, но уже советскую.

Эмигрантское духовенство носило смешанный характер. Его ядро составляло старое русское духовенство, которому было трудно

приспособиться к новым реалиям как из-за смены геополитической обстановки и связанных с ней обстоятельств служения, так и из-за изменения парадигмы общественного сознания, в которой всё меньше места отводилось Богу и Церкви. Так, принявший сан задолго до революции протоиерей Симеон Солодовников (1883–1939) вплоть до своей преждевременной кончины твёрдо верил в скорое избавление России от большевистского ига и в возвращение на родину.

Помимо «старой гвардии», ряды священнослужителей в эмиграции пополнили люди разного звания, состояния и происхождения: кто по призванию, кто ради куска хлеба, кто ради образования и миссионерства²². Например, Анатолий Нечаев (будущий иеромонах Афанасий, 1886–1943) покинул Валаамский монастырь ради учёбы и будущей миссионерской деятельности.

Бежавшим из России было нелегко адаптироваться.

«Зачастую они тяжело приспосабливались к условиям жизни на чужбине, в незнакомой, а порой и враждебной среде, тяжело переносили разлуку с родными. Работа на приходе с мизерной зарплатой, забота об устройстве семьи, частые проблемы и столкновения с прихожанами, к которым эти священники не были подготовлены...»²³

Игумен Стефан (Светозаров, 1890–1969), например, писал о тяжёлом состоянии духа и нежелании быть на приходе. Несмотря на успешную карьеру в Париже, он не принял послевоенных юрисдикционных перестановок и в 1947 г. вернулся в СССР.

Письма иеромонаха Афанасия (Нечаева)

Первый блок писем — одиннадцать писем иеромонаха Афанасия (Нечаева) периода 1927–1928 гг.²⁴ Многим он известен как первый духовный наставник будущего митрополита Сурожского Антония (Блума). Но это было позже, когда архимандрит Афанасий в 1933 г. возглавил Трёхсвятительское подворье в Париже и стал благочинным

22 *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический справочник. С. 117.

23 Там же. С. 17–18.

24 Письма иеромонаха Афанасия (Нечаева) иеросхимонаху Ефрему (Хробостову) из Парижа на Валаам (1927–1929) / публ. Т. И. Шевченко // Вестник ПСТГУ (Серия II). 2023. Вып. 113. С. 143–170.

приходов Московской Патриархии во Франции. А вышеупомянутые письма относятся к тому периоду, когда он только что принял постриг и сан во время учёбы в Свято-Сергиевском богословском институте. На Валааме Анатолий Нечаев окормлялся у братского духовника иеросхимонаха Ефрема (Хробостова) и был в Париже кем-то вроде корреспондента, державшего монастырь в курсе событий. Письма адресованы его старцу, иеросхимонаху Ефрему²⁵, который в 1919 г. принял схиму и удалился в скит при храме во имя Смоленской иконы Божией Матери. В 1925 г. Финляндское Церковное управление назначило иеросхимонаха Ефрема временно исполняющим обязанности духовника монастыря. В 1927 г. он был избран на эту должность большинством голосов братии. Скончался в 1947 г. уже на Новом Валааме в Хейновеси, куда братство эвакуировалось в 1939–1940 гг. по причине Зимней войны. Это был один из самых уважаемых и опытных валаамских старцев.

Анатолий Нечаев эмигрировал в Финляндию в 1923 г. Занимался там миссионерской деятельностью. Осенью 1925 г. он как паломник приехал на Валаам и остался, намереваясь в будущем принять постриг. Но уже следующей осенью по собственной просьбе был направлен в Париж и поступил в Свято-Сергиевский богословский институт²⁶. На Сергиевском подворье 4 декабря 1926 г. он был пострижен в монашество, 6 декабря — рукоположен в иеродиакона, а 30 октября 1927 г. — в иеромонаха. В 1928 г. был назначен в обитель-приют «Нечаянная Радость» в предместье Ливри-Гарган под Парижем, где служил до 1 мая 1931 г. В начале 1930-х гг. митрополит Евлогий перешёл вместе с клиром в Константинопольский Патриархат. Иеромонах Афанасий, епископ Вениамин (Федченков) и немногочисленная группа прихожан остались в подчинении Московской Патриархии.

Его письма относятся к периоду разрыва митрополита Евлогия вначале с Архиерейским Синодом за границей, затем с Московской Патриархией и последующего перехода в Константинопольский Патриархат²⁷. Иеромонах Афанасий был близок к епископу Вениамину

- 25 Иеросхимонах Ефрем (Хробостов Григорий Иванович, 1871–1947). Из крестьян Костромской губернии. Поступил в Валаамский монастырь (1883). Зачислен послушником (1894). Пострижен в монашество с именем Георгий (1895), рукоположен в иеромонаха (1899). Был духовником великого князя Николая Николаевич (мл.) и его семьи.
- 26 Историю выбора жизненного пути он оставил в воспоминаниях: *Афанасий (Нечаев), архим.* От Валаама до Парижа. Москва, 2011. С. 7–114.
- 27 Митрополит Евлогий окончательно порвал с Архиерейским синодом 29 июня 1926 г., покинув заседание Архиерейского Собора. После семимесячной полемики Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) 26 января 1927 г. постановил отстранить его

(Федченкову), которому он был поручен митрополитом Евлогием при поступлении в институт, и часто сообщал на Валаам о том, как владыка Вениамин относился к той или иной проблеме, например, к студенческому движению. Так, 2 января 1927 г. он писал, что епископ считал «эту форму христианской жизни низшей, но неизбежной ввиду ослабления веры у молодёжи», что своим студентам он не рекомендовал «близко ходить туда, а только поддерживать дружество и сочувствие». В противовес студенческому движению автор письма в положительном ключе отзывался о русских скаутах, которые посещали Сергиевское подворье. Он рассказал им о Валааме и просил у иеросхимонаха Ефрема благословения для них²⁸.

Животрепещущий для всех вопрос о юрисдикциях затрагивался в письмах часто. Иеродиакон Афанасий писал 3 января 1927 г. о «подоплёке» разрыва между митрополитом Евлогием и «карловчанами». Всё это подавалось как некая большая «тайна», в то время мало кому известная: когда был получен Указ Патриарха Московского и всея России Тихона о роспуске ВЦУ в Карловцах²⁹, тогда никто из архиереев, кроме митрополита Евлогия и епископа Вениамина, ему не подчинился: на словах признали, на деле нет, только заменили название ВЦУ на Архиерейский Собор.

«Но власти <...> не передавали митрополиту Евлогию, как требовалось указом <...> Тогда епископ Вениамин пошёл против всех и убеждал митрополита Евлогия порвать³⁰ со всеми архиереями и исполнить всецело указ Патриарха Тихона, приняв на себя одного всю полноту власти за границей. Но митрополит Евлогий <...> по доброте своей уступил и признал Архиерейский Собор, но не как власть “над собой”, [а] как власть “наряду с собой”, то есть тоже не вполне подчинился Патриаршему указу»³¹.

Далее иеродиакон Афанасий сообщал о «секретном уведомлении» от митрополита Сергия (Страгородского), в котором тот просил прежде

от управления епархией и запретить в священнослужении. Состоявшийся летом 1927 г. епархиальный съезд выразил поддержку митрополиту – последовал окончательный раскол русской православной эмиграции в Европе на «евлогиан» и «карловчан».

28 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 29–30 об.

29 Указ № 348 (349) Святейшего Патриарха Тихона и соединённого присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета об упразднении Карловацкого Всеаграрного Высшего Церковного Управления, 5 мая 1922 г.

30 Здесь и далее выделено в источнике.

31 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 26.

всего «достичь единения между собой», если же это невозможно, то благословлял и «карловчан», и «евлогиан» «на самостоятельное существование». Главная задача обоих направлений состояла, по мнению митрополита Сергия, в том, чтобы «искать пути к примирению», отказавшись от «категорического требования» вернуться всецело к Указу Патриарха Тихона. Епископ Вениамин полагал, что независимое существование обоих направлений только усугубит разногласия, считал, что митрополит Евлогий совершил большую ошибку, но должен сам нести её бремя и что «худой мир лучше доброй ссоры», а «погоня за чистотой» канонического принципа разделит «всю иерархию на два лагеря» и принесёт Церкви «только вред»³².

В Финляндии в то время был в разгаре «календарный раскол», и автор письма рассчитывал помочь валаамцам разобраться в смуте через знакомство с парижскими событиями. Он сообщал, что они с епископом Вениамином находили психологию «карловчан» и старостильников одинаковой: старостильники часто впадали в крайности и препятствовали достижению примирения, чем вызывали гнев даже у митрополита Евлогия, который мягкостью и снисходительностью сдерживал их «старостильно-раскольничью закваску»³³. Иеродиакон Афанасий полагал, что митрополит скоро рассорится со старостильниками, поскольку те стали совершенно чужды ему по взглядам. Но он ошибался. В Финляндии в 1925–1927 гг. в Выборге и Хельсинки образовались две русские старостильные общины, не пожелавшие подчиняться местной церковной власти. Общины получили автономный статус и могли сами выбрать архиерея — им стал митрополит Евлогий, но Архиерейский Собор за границей был против. Теперь же, полагал отец Афанасий, если «окончательно совершится» разрыв с «карловчанами», то «митрополит Евлогий будет свободен установить отношения с Финляндской Церковью, что, несомненно, приведёт к взаимному сближению». После «секретного» письма митрополита Сергия, даровавшего митрополиту Евлогию «свободу и самостоятельность» на случай разрыва с «карловчанами», митрополит Евлогий не считал обращение в Константинополь непременно условием урегулирования ситуации в Финляндии. Тем не менее позже он всё же подчинился Константинопольскому Патриарху. «Вот как быстро [меняются] позиции»³⁴, — сетовал иеродиакон Афанасий. Всё-таки он считал деятельность митрополита Евлогия полезной. Он полагал,

32 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 25 – 28 об.

33 Письмо от 18 января 1927 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 12 – 13 об.

34 Письмо от 3 января 1927 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 28 – 28 об.

что если бы Выборгский приход³⁵ попал в руки митрополита Антония (Храповицкого), то старостильники «подняли бы крики на весь мир»³⁶.

К концу 1927 г. размежевание между сторонниками митрополитов Евлогия и Антония достигло критической стадии³⁷. К осени обострились и взаимоотношения РПЦЗ с митрополитом Сергием. Летом тот потребовал от зарубежного духовенства подписки об отказе от антисоветской деятельности, а затем вышла его «Декларация»³⁸. Предполагалось, что в такой двойственной ситуации митрополит Евлогий, возможно, всё же признает власть Архиерейского Синода.

Иеромонах Афанасий писал в сентябре, что «церковный вопрос, по всей видимости, не может разрешиться иначе»: отделение от Церкви Патриаршей, скорее всего, неизбежно, и это для него совершенно неприемлемо. Спрашивал, следует ли ему оставаться «верным Патриаршей Церкви», если «разрыв с Москвой произойдёт <...> в неканонической форме»; и если «придётся расстаться с институтом», то можно ли вернуться в монастырь³⁹. Он сообщал, что митрополит Евлогий старался получить от Патриаршей Церкви хоть какой-либо «мандат» на управление и сохранить «дружественную связь» с митрополитом Сергием, но газеты целенаправленно раздували конфликт.

Зарубежное духовенство, не давшее «подписку» до 15 сентября, исключалось из клира Московского Патриархата. Большинство отказалось, но были и согласившиеся. Известно, что епископ Вениамин (Федченков), прежде чем пойти на этот шаг, отслужил сорок литургий. Иеродиакону Афанасию в то время написала одна из сотрудниц эмигрантской организации — Надежда Недошивина, помогавшая разыскивать родственников. Её позиция как нельзя лучше выражала настроения эмигрантов:

«Нам нужна церковь и водители церкви эмигрантские, беженские, а не советские <...> Слушать проповеди о том, что неудачи советской власти есть ваши неудачи, мы не будем. И те пастыри, как бы высоко

35 Первый старостильный приход в Финляндии, Покровский, был основан в Выборге А. Д. Пугиной в декабре 1925 г., получил официальную регистрацию постановлением Государственного Совета Финляндии в качестве частной религиозной организации 23 декабря 1926 г. В 1939–1940 гг. вследствие Зимней войны община переместилась в Хельсинки. В 1945 г. — подчинилась Московской Патриархии.

36 Письмо от 18 января 1927 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 12 – 13 об.

37 Архиерейский Синод РПЦЗ 8 сентября 1927 г. подтвердил запрещение митрополита Евлогия в священнослужении и объявил им совершаемые таинства безблагодатными.

38 *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 166–167.

39 НАРК. Ф. 762. Оп. 1 Д. 138 (1). Л. 37 – 37 об.

они ни стояли, которые заявят о своей лояльности советской власти, останутся без паствы.

Духовная, идейная связь с русской церковью всё равно останется всегда. И всё равно никогда не будет идейной связи с чужим патриархом. Зачем она нам. Вот если бы удалось в русской зарубежной церкви примирить все течения, если бы удалось создать единый всезаграничный церковный собор и на нём установить управление — это было бы великим делом»⁴⁰.

Последующие письма иеромонаха Афанасия показывают, что он отстранился от конфликта и с головой ушёл в пастырскую работу. Весной 1928 г. в городе Туре, в 250 верстах от Парижа, русские попросили митрополита Евлогия прислать на Пасху священника. Он направил иеромонаха Афанасия, считая его «талантливым» и «толковым»⁴¹. И тот договорился с пригородным заводом о выделении для общины барака с комнатой для священника. Согласно его письмам, с русской общиной в Туре он познакомился ещё до её обращения к митрополиту Евлогию. В письмах иеромонах упоминал о своих поездках в Тур, писал, что тамошние прихожане ему особенно близки. Он устраивал для них «духовные вечера» с чаепитием, стремился преодолеть «холод иммигрантской разобщённости»⁴², служил в церкви, устроенной в бараке. Сообщал, что община при ней насчитывает около пятидесяти человек и имеет свой хор⁴³.

Также он ездил в больницы причащать недужных:

«На новый год я служил обедню в новом русском санатории под Парижем <...> там 18 человек только туберкулезных, из них 8 человек исповедовались и причащались»⁴⁴.

Старцу он писал, что при бытовом и политическом разъединении иммиграции единственным средством объединения оставались «церковь и богослужения», священник стал нужен людям «больше чем когда-либо», и не только для исполнения треб, но и как центр этого объединения. Он переживал, что вступил в противоречие с заветом старца «не идти на приход». Митрополит Евлогий, остро нуждаясь

40 Письмо от 1 сентября 1927 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 14 – 14 об.

41 *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Москва, 1994. С. 482–483.

42 Письмо от 17 декабря 1927 г. // НАРК. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 6 – 7 об.

43 Письмо от 4 января (старого стиля) 1928 г. // НАРК. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 3 – 4 об.

44 Там же.

в священниках, имел обычай назначать на приходы монашествующих. Это стало «больной темой»:

«Я и некоторые другие не признаём иеромонахов на приходах за монахов, а считаем как целибатных [, — писал отец Афанасий. —] Это есть уход с прямого монашеского пути. Но есть и защитники сего пути. Для примера прилагаю письмо моего друга Иоанна Шаховского⁴⁵»⁴⁶.

Валаамский послушник просил духовника разрешить его недоумение: чья же власть над послушником выше — епископа или старца?⁴⁷

В письмах 1928 г. упоминается о растущем раздражении митрополита Евлогия на владыку Вениамина, которое проявлялось даже в мелочах. Например, митрополиту не понравилось, что епископ Вениамин советовал иеромонаху Афанасию уйти с прихода, называя это монашеским эгоизмом.

«Что за странные взгляды — монахи будто не должны заниматься пастырством. А как же миссионеры?.. А как же тогда мы, епископы, сколько через нас проходит всякой житейской мути? Что же, мы всё должны бросить?.. Это чистый монашеский эгоизм, и это главной отвратительный порок у монахов... Спасайся сам — а там будь что будет... Сидя где-нибудь на Валааме, конечно, легче спастись... Нет, поведение епископа Вениамина — совсем не монашеское, а советы он Вам даёт грешные, соблазнительные»⁴⁸, — передавал отец Афанасий слова митрополита и не соглашался с ними.

В то же время иеромонах «всё больше [проникался] необходимостью бережного и осторожного отношения к современным разногласиям». Он писал, что

«каждый должен <...> поступать в меру своего разума и не осуждать другого, хотя бы и расходился с ним во мнениях»⁴⁹.

Ещё одной напряжённой темой была атмосфера в Свято-Сергиевском богословском институте. Как известно, митрополита Евлогия критиковали за построение обучения, «карловчане» ставили ему в вину слишком независимый статус института, при котором

45 Будущий архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Дмитрий Алексеевич Шаховской, 1902–1989).

46 Письмо без даты, ок. 1928 // НАРК. Ф. 762. Оп.1 Д. 138 (1). Л. 119 – 119 об.

47 Там же.

48 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138(2). Л. 354 – 354 об.

49 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Лист 126 – 127 об.

его учебные программы не утверждались Архиерейским Синодом⁵⁰. Иеромонах Афанасий считал, что главной проблемой являлось отступление «профессуры» «от чистоты святоотеческого смиренномудрия», поэтому преподаватели не могли «быть вождями студентов», настроенных «более церковно [чем преподаватели]. Оттого у нас два лагеря — профессора и студенты»⁵¹.

Митрополит Евлогий всё же подписал требование митрополита Сергия, хотя и оговорил собственное понимание этого действия. В течение трёх лет он пытался выстроить отношения согласно новым требованиям о лояльности, что оценивалось им впоследствии как тяжёлое и неприятное бремя⁵². Полный разрыв был делом времени. Двусмысленность исчезла в 1930 г., когда советская власть расценила действия митрополита как нарушение подписки о лояльности. В результате было принято решение об увольнении. Из викариев согласился на подчинение Московской Патриархии только епископ Вениамин (Федченков). Константинопольский патриарх Фотий принял приходы митрополита Евлогия в свою юрисдикцию в качестве экзархата. Московская Патриархия вынесла 30 апреля 1931 г. решение о запрете митрополита Евлогия в священнослужении. Вместе с ним запрещались и те, кто решался ему сослужить.

На Пасху 1931 г. митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), назначенный на место митрополита Евлогия, освятил домовый храм на улице Петель в честь трёх вселенских святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, второй алтарь — в честь свт. Тихона Задонского. Со временем храм стал известен как Трёхсвятительское патриаршее подворье. До отъезда в США епископ Вениамин⁵³ возглавлял этот приход, а иеромонах Афанасий (с 1932 (33?) г. — архимандрит) служил его помощником. С 1933 г. и до своей кончины в 1943 г. настоятелем подворья являлся сам архимандрит Афанасий. Он также был назначен благочинным приходов Московской Патриархии во Франции.

В 1936 г., чтобы ближе познакомить европейцев с православием, он основал монашеско-миссионерское братство. Архимандрит проявлял необыкновенную любовь и сострадание к обездоленным. Монахиня Геновефа (Лаврова) вспоминала:

50 Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 162, 166–167.

51 Письмо от 10 января [1929] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 138 (1). Л. 131 – 132 об.

52 Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 223–224, 225.

53 Возведён в сан архиепископа 19 апреля 1932 г.

«Не знаю, как узнавал отец Афанасий о несчастьях этих людей, но зачастую вечером он заходил <...> и говорил: “Знаете, там-то умер один русский. Надо пойти помочь”»⁵⁴.

И они шли в самые «тёмные» и «непривлекательные» улицы Парижа, где «в маленьких отельчиках селились наиболее бедные русские»⁵⁵.

Руководство братства св. Фотия в своём отчёте сообщало, что при архимандрите Афанасии бюрократическая составляющая работы Благочиннического совета «сводилась к минимуму»: его «безудержный творческий характер» не терпел «никаких форм, стеснявших его активности, соединённых с его саном Архимандрита и должностью Настоятеля центрального прихода»⁵⁶. Во время Второй мировой войны архимандрит был активным участником Сопротивления, в оккупированном Париже помогал евреям, за что дважды арестовывался гестапо. Евреям он выдавал «удостоверения» о принадлежности к христианской вере:

«Я знаю, что выданное мной удостоверение <...> не поможет, но человек верит, что поможет, просит и молит о помощи. Неужели я могу отказать?!»⁵⁷

Он говорил:

«Тщетны наши молитвы, если мы отказываемся помочь [страждущим]»⁵⁸.

Очевидцы свидетельствовали, что, встретив такое сочувствие в лице отца Афанасия, нуждавшиеся «образовали настоящий поток», и прихожане опасались закрытия храма. В 1942–1943 гг. экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) обдумывал планы по объединению разрозненных частей Православной Церкви на оккупированных территориях России и Европы. В качестве кандидата на архиерейскую хиротонию викарного епископа Московской Патриархии в Париже он рассматривал архимандрита Афанасия⁵⁹.

54 *Геновефа [(Лаврова)], мон. Воспоминания об архимандрите Афанасии (Нечаеве) // Афанасий (Нечаев), архим. От Валаама до Парижа. Москва, 2011. С. 215.*

55 Там же.

56 Копия отчёта руководства братства св. Фотия от 6.01.1945 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 45.

57 *Геновефа [(Лаврова)], мон. Воспоминания об архимандрите Афанасии (Нечаеве). С. 216.*

58 Там же.

59 Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский Экзархат и Псковская Православная Миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: сб. документов / авт.-сост. С. К. Бернев,

Скончался архимандрит Афанасий от онкологического заболевания в том небольшом доме на окраине Парижа, где он укрывал нуждавшихся. Отпевание прошло в часовне на подворье⁶⁰. Похоронили его на одном из пригородных кладбищ. Через пять лет, когда переносили его прах на Русское кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, оказалось, что тело его нетленно⁶¹. По воспоминаниям современников, архимандрит Афанасий, будучи молитвенником и аскетом, имея евангельский подход к жизни, «много сделал в духовном воспитании западного духовенства», обязано ему и западное православное монашество, вдохновителем и создателем которого его называют⁶². Образ его служения Богу и ближним стал достойным ответом на вызовы времени и привлек многих, ищущих спасения.

Письма протоиерея Симеона Солодовникова

Второй блок писем принадлежит перу старшего по возрасту из трёх вышеупомянутых священнослужителей — протоиерею Симеону Солодовникову (1883–1939)⁶³. До революции он служил священником

А. И. Рупасов. Санкт-Петербург, 2016. С. 434; *Обозный К. П.* Планы и перспективы объединения православных церквей на оккупированных территориях СССР и Центральной Европы под эгидой экзарха Сергия (Воскресенского) в 1941–1944 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 88. С. 70.

60 *Геновефа [(Лаврова)], мон.* Воспоминания об архимандрите Афанасии (Нечаеве) // *Афанасий (Нечаев), архим.* От Валаама до Парижа. Москва, 2011. С. 217, 220.

61 *Старк Борис, [прот].* По страницам Синодика // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Москва, 1994. Вып. 5. С. 622.

62 Цит. по: *Кузнецов В. А.* Русское православное монашество в XX веке: биографический справочник. Екатеринбург, 2014. С. 74–75.

63 Протоиерей Симеон Павлович Солодовников (1883–1939). Родился в семье священника в Курской области. Окончил Курскую духовную семинарию (1904), Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1908). В Петербурге — псаломщик, затем дьякон в церкви Владимирской Божией Матери (1908–1910), регент духовного училища (1908–1912), священник (1912), законоучитель в коммерческом училище (1913). С 1914 г. преподавал Закон Божий в гимназии и реальном училище при Реформаторской церкви. Награждён набедренником (1913), скуфьёй (1914), камилавкой (1916), золотым наперсным крестом (1916). Служил в Успенской церкви на Сенной улице (1912–1920), в Исаакиевском соборе (1920–1924), церкви Вознесения Господня (1924–1926), церкви иконы Божией Матери «Скоропослушница» (1926–1930). Проживал с семьёй в Ленинграде. См.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический справочник. С. 462–463.

в храмах Петербурга — Петрограда. Там, на Валаамском подворье, он познакомился с будущим старцем схиигуменом Иоанном (Алексеевым), до схимы Иакинфом⁶⁴. Именно с ним отец Симеон впоследствии переписывался. В 1930 г. в Ленинграде протоиерей Симеон был арестован и вместе женой выслан в Харьков. Им удалось бежать в Финляндию через Петсамо, самый северный коридор на границе. Их приютили в Трифоно-Печенгском монастыре на Кольском полуострове, где настоятельством занимал игумен Иакинф. В эмиграции он не сразу, но с помощью митрополита Евлогия нашёл место без содержания и сверх штата в Александро-Невском соборе, служил в пригороде Парижа, в Воскресенской церкви в Гренобле. После перехода митрополита Евлогия в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, перешёл в РПЦЗ и служил в нескольких подведомственных ей храмах: в Знаменской церкви в Париже (1931–1932), в Лондонском Успенском приходе (1932–1933, 1935–1936), в приходах Берлина (1936–1939), был членом Епархиального совета Германской епархии. Переписка свидетельствует, что решение о переходе в РПЦЗ стало для него сложным, но глубоко осознанным выбором. Память о протоиерее Симеоне сохранилась: его помнят, как успешного нотоиздателя в Лондоне, Париже и Берлине. Во Франции он издавал собственноручно переписанные ноты и был регентом Русского хора.

В статье использованы шесть писем протоиерея Симеона к игумену Иакинфу (Алексееву) периода с 1930 по 1933 г.

Прежде всего, примечателен его рассказ о бегстве из советской России:

«Всё же какое нам счастье послал Господь, что вывел из несчастной, обездоленной России. Как трудно выбраться. Газеты пишут, как расстреливают на границах <...> Когда я вспоминаю <...> сердце леденеет от страха <...> А мир думает жить, как бы не замечая страданий своих собратьев»⁶⁵.

64 Иоанн (Иван Алексеевич Алексеев, 1873–1958), схиигумен. Из крестьян Тверской губернии. Поступил в Валаамский монастырь (1901). Определён в послушники (1906). Пострижен в монашество с именем Иакинф (1910). Рукоположен в иеродиакона и иеромонаха, посвящён в игумена (1921). Настоятель Трифоно-Печенгского монастыря (1921–1931). Вернулся на Валаам в 1932 г. Подвизался в Предтеченском скиту. В 1933 г. принял схиму. Был известным духовником и старцем. Прославлен в лике преподобных 29 ноября 2018 г. решением Священного Синода Константинопольского Патриархата по представлению Финляндской Архиепископии.

65 Письмо от 25 октября 1930 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 20–21; Письмо от 20 июля 1931 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 17 – 17 об.

Через год в Париже, когда митрополит Евлогий перешёл под юрисдикцию Константинопольского Патриархата, отец Симеон прокомментировал это так:

«Я [думал], дело православия за границей сохранится, а тут полная неразбериха. Антоний, Карловцы <...> А бедная Русская Церковь на Голгофе <...> в борьбе с безбожием изнемогает. А тут её ругают, поносят, говорят, Сергей с большевиками работает. Да он под рабством <...> как и вся Россия <...> Иначе действовать под властью большевиков нельзя, как живёт и действует митрополит Сергей. И вот теперь в Париже и в Берлине три церкви — Антониевская, Евлогиевская и Сергиевская. Какая же из них православная? Поди разбери. Плохо за границей! Нет мира, нет любви, везде злоба, ненависть, а о России и слышать не хотят. Будто её не существует»⁶⁶.

Через полгода протоиерей Симеон писал:

«Я пришёл к заключению что истинная церковь — прежняя русская, во главе которой стоит митрополит Пётр [Полянский] <...> и митрополит Иосиф [Петровых] <...> — они и 22 епископа в России не признали Советской власти, как власти богоборческой. К этой части Русской Церкви за границей примыкают: Соборная — 24 епископа и всё лучшее духовенство, и монашество <...> Она стоит в истине, сохранив все лучшие традиции Русской церкви. Митрополит Евлогий <...> [запрещён] <...> и Соборной Церковью, и митрополитом Сергием. Вот почему нельзя за ним идти. Что касается Митрополита Сергия, то его здесь считают мучеником <...> но идти за ним <...> нельзя, так как он признал советскую богоборческую власть и отдал приказ молиться за неё»⁶⁷.

С прискорбием автор письма признавал, что за границей далеко «не все верующие» хотели, «чтобы в России была русская, национальная, не преследующая религию власть»⁶⁸. Тем не менее вскоре ему удалось открыть свой приход.

Протоиерей Симеон так и не смог примириться с потерей родины, верил, что скоро всё изменится. В 1932 г. он писал:

66 Письмо от 8 апреля 1931 // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 23 – 23 об.

67 Письмо от 19 сентября 1931 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 19 – 19 об.

68 Там же.

«Нас и Вас ждёт великая радость. Над Россией завиднелась заря освобождения <...> Будет такая радость в России, о которой многие и не предполагают <...> за страдания и молитвы русского народа»⁶⁹.

В письмах его часто упоминаются обстоятельства, свидетельствующие о глубокой нищете, которую он вынужден был делить со своей семьёй. Всё это подорвало его здоровье, и протоиерей Симеон скончался в 1939 г., так и не попав на родину. Сложно утверждать, что именно он имел в виду под скорым освобождением России. Но если это было грядущее гитлеровское нашествие, то, конечно, он глубоко заблуждался. И далеко не он один. В канцелярии Валаамского монастыря среди писем от эмигрантов сохранилось письмо от отца одного из монахов:

«Относительно политики могу сказать, что идёт сейчас война мировая, как и в 1914 г., но только в другом виде. Никто никому не объявляет, а война идёт. Национализм против коммунизма. Я думаю, что дни Советской России сочтены и близок час начала Возрождения национальной России. Наши бывшие враги (немцы или японцы) помогут нам начать строить национальную Россию. Французы и Турция не смогут, как не могли и в период Гражданской войны»⁷⁰.

Тоскуя по родине, протоиерей Симеон признавался:

«Мне кажется, что если бы не надо было учить детей, не надо было бы и ехать из многострадальной России, а страдать бы со всем народом и вместе с ним молиться о спасении»⁷¹.

Как и многие соотечественники, он был лишён возможности повлиять на события в России, но продолжил исполнять пастырский долг и молился за границей:

«Дай Господи, чтобы Воскресший Христос просиял одинаково в сердцах всех русских людей, измученных и истерзанных распрями, своеволием, расколами и всякими дрязгами! Дай Господи, чтобы Церковь Русская <...> опять была едина, неделима»⁷².

Он был не одинок в своих молитвах. Выбор протоиерея Симеона явился одним из вариантов жизни для тех эмигрантов, кто не озлобился и не утонул в обидах. Скончался протоиерей Симеон в Берлине и похоронен на местном кладбище Тегель.

69 Письмо от 28 апреля [1932] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 22 – 22 об.

70 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 29 – 30 об.

71 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 20–22.

72 21 апреля. [1933] Булонь // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 154. Л. 28 – 29 об

Письма игумена Стефана (Светозарова)

Завершают обзор письма будущего архимандрита, тогда игумена Стефана (Светозарова, 1890–1969)⁷³. Он также подчинялся митрополиту Евлогию, но после ухода последнего в Константинопольский Патриархат остался в подчинении Московской Патриархии. Сохранилось три его письма на Валаам 1938–1939 гг. Он окончил Свято-Сергиевский богословский институт (1927–1930). В 1930 г. в Праге был пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха, служил в Праге в Свято-Николаевском храме. В 1931 г. вернулся в Париж. Отказался поддержать митрополита Евлогия. В 1931–1933 гг. был помощником первого настоятеля Трёх-святительского подворья епископа Вениамина (Федченкова), а также духовником большей части прихожан⁷⁴. С 1935 г. по 1945 г. служил настоятелем Троицкой церкви в городе Ванв, под Парижем.

На Валаам он писал схиигумену Иоанну (Алексееву). Первое его письмо из Парижа отправлено 12 декабря 1938 г. Переписка завязалась после поездки игумена Стефана на Валаам. Схиигумен Иоанн заинтересовался мнением о календарной смуте. А игумен Стефан ориентировал его на позицию митрополита Сергия (Страгородского), ответ которого журналисту Ишевскому был известен в обители:

«Если я правильно понял, Ишевский уклоняется от причащения на Валааме, потому что не хочет приобщаться с новостильниками, а старостильники тамошние оказываются Карловчанами <...> Если не решается приобщаться с новостильниками, пусть совсем воздержится <...> Сознательному христианину приобщаться с раскольниками, хотя ясно и не сознающими этого, непозволительно <...> При смертной нужде я скорее обратился бы к новостильникам. Сам по себе новый стиль не служит достаточным основанием разрыву молитвенного и евхаристического общения <...> Патриарх Тихон, когда выяснилось недоразумение с введением нового стиля, немедленно отменил своё распоряжение, однако ни словом не упомянул,

73 Стефан (Леонид Михайлович Светозаров), архимандрит. Родился в Тамбовской губернии, в дворянской семье, окончил Тамбовскую гимназию (1909), естественно-историческое отделение физ.-мат. факультета Императорского Петровского университета в Петрограде (1915). Подпоручиком участвовал в Первой мировой войне, был награждён орденом Святого Станислава. В гражданскую войну служил в армии генерала П. Н. Врангеля, с войсками которого эмигрировал за границу (1920). В том же году переехал в Чехословакию. До 1927 г. преподавал там в Шуменской гимназии, затем в гимназии Моравской Тшебовы.

74 *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 166–167, 382.

что с новостильниками мы порываем общение <...> Тем менее оснований бояться нового стиля на Валааме, где, по словам Ишевского, старая пасхалия практически ещё ни разу не была нарушена»⁷⁵.

Сам игумен Стефан во время визита на Валаам служил в местном соборе, хотя и огорчился, что это обидело валаамских старостильников:

«Я рад, что состою в Матери Русской Церкви, но я очень не рад запрещениям и ограничениям, наложенным иерархами Ея на многих, не находящихся в единстве с Нею. Для меня было большим счастьем быть в полном молитвенном общении с валаамскими иноками»⁷⁶.

Как сообщил игумен Стефан, митрополит Сергей, узнав, что валаамцы сослужат «евлогианину» — протоиерею Сергию (Четверикову)⁷⁷, посчитал это нарушением, допустимым только в случае смертной нужды⁷⁸. Митрополит Сергей полагал, что игумен Стефан «должен был, как представитель Патриархии, разъяснить Валаамским инокам сущность евлогианского раскола». «Но не с тем я ехал в монастырь», — объяснил игумен. Сам отец Стефан полагал, что поступил верно:

«Я очень жалею, что невольно огорчил старостильную братию, но какое было бы огорчение для соборной братии, если бы я отказался от общения с нею, тем более что никаких канонических препятствий к тому я не видел»⁷⁹.

До поездки на Валаам он не интересовался календарным вопросом и был «без какого бы то ни было канонического представления о Финляндской Церкви, следовательно, и о самом монастыре»⁸⁰. В своём решении он руководствовался лишь собственной совестью,

75 Ответ митрополита Сергия (Страгородского) журналисту Ишевскому. Цит. по: Письмо митрополита Елевферия [Богоявленского] на имя журналиста Д. А. Ишевского от 23 декабря 1933 г. (ст. ст.) // Утренняя заря. 1934. № 6–7. С. 52–53.

76 Письмо от 12 декабря 1938 г. [Ванв (Париж)] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 36 – 36 об.

77 Четвериков Сергей (1867–1847), протоиерей. После революции жил в Югославии, Чехословакии. Духовник Русского студенческого христианского движения (1928–1939). В 1937–1938, 1940 г. находился в Валаамском монастыре. Участвовал в издательской деятельности настоятеля. Эвакуировался с братством вглубь Финляндии во время Зимней войны. За штатом проживал в Братиславе (1940). Пострижен в монашество в монастыре в Ладимировой (1942). Принят в клир Московского Патриархата (1942). Незадолго до смерти принял схиму.

78 НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 36 – 36 об.

79 Там же.

80 Письмо от 31 января 1939 г. [Ванв (Париж)] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 38 – 39 об.

как и в 1931 г., когда посчитал обязательным для себя «оставаться в единстве с Матерью Русской Церковью»:

«Не без волнения и не без страха я решил тогда этот вопрос <...> помочь мне было некому. В канонических правилах <...> я боялся не разобраться и запутаться. Поневоле пришлось обратиться к собственному сознанию и решать вопрос, как будто бы я остался один, сам с собой»⁸¹.

Если о том, чтобы остаться с митрополитом Евлогием, не было и речи, то о «карловчанах» игумен, видимо, много думал. Вывод его был отрицательным, он посчитал их слишком погружёнными в политику и назвал «прицерковным политическим сообществом», а возглавлявших их монархистов обвинил в том, что те бросили «своего Монарха-Мученика». Игумен Стефан считал, что некоторые из карловацких епископов «сыграли роковую отрицательную роль в валаамских спорах из-за стилиа» и вовлекли часть братии в раскол⁸².

Вердикт его был печальным:

«Я не думаю, что Русская Патриархия делает какие-либо различия между евлогиянами и карловчанами. Вообще говоря, между ними есть внутренняя разница, но общее у них то, что и те и другие откололись от Русской Церкви, за что и запрещены <...> Если они не воссоединятся с нею, то могут постепенно засохнуть и отмереть. Не спасёт их и подданство Сербской и Вселенской Патриархий»⁸³.

Он был прав: действительно, «чужая» юрисдикция оказалась не панацеей; в конце концов, единственным выходом стало единство с Матерью Церковью; правда, наступило оно спустя много десятилетий, когда в России сменилась власть большевиков.

Письма игумена Стефана открывают, как много значили для эмигрантов поездки в чудом сохранившийся русский монастырь. Самого игумена паломничество спасло от глубокого уныния:

«По греховности своей я с трудом подьемлю жизнь в Париже, и до поездки на Валаам она являлась для меня почти безрадостной <...> Пастырская деятельность сама по себе может быть интересной <...> вне зависимости от какой бы то ни было обстановки, но для монаха эта

81 Письмо от 31 января 1939 г. [Ванв (Париж)] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 38 – 39 об.

82 Там же.

83 Там же.

деятельность не может заполнять всей его жизни <...> В настоящее время, слава Богу, у меня есть большой просвет»⁸⁴.

На встречах с прихожанами те проявляли огромный интерес к «духовной» стороне Валаама, особенно к старцам-духовникам⁸⁵. «Считаю себя перед всеми валаамцами слепым щенком»⁸⁶, — писал игумен. Он продолжил выполнять пастырские обязанности на приходе, хотя и писал, что хотел бы уйти в монастырь.

С 1942 г. игумен Стефан служил благочинным приходов Московской Патриархии во Франции. В 1945 г. его возвели в сан архимандрита. После окончания Второй мировой войны он являлся членом Епархиального совета Русского Западноевропейского экзархата Московского Патриархата, членом Союза советских патриотов, в 1946 г. участвовал в съезде Союза, побывал на приёме у В. М. Молотова. В 1945–1947 гг. архимандрит Стефан — настоятель Трёхсвятительского подворья.

Когда после кончины митрополита Евлогия часть приходов решила вернуться под омофор Константинопольского патриарха, отец Стефан в 1947 г. переехал в СССР, некоторое время жил недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, затем был назначен настоятелем Вознесенского (Знаменского) собора в Осташкове Калининской области. Архимандрит Стефан считал, что время его настоятельства в Осташкове было «самой радостной и Светлой точкой» в его жизни на родине⁸⁷. Он «с увлечением работал на приходе, интересуясь всеми возможными <...> сторонами пастырской церковно-приходской деятельности»⁸⁸. Уполномоченный по делам религии писал в отчёте в 1949 г.:

«Под руководством Светозарова церковь заметно укрепилась, увеличилось количество посещающих её, прекратились недоразумения в церковном совете»⁸⁹.

В 1953 г. архимандрит был арестован за связи с «Истинно-Православной Церковью», «создание к/р организации» и распространение монархической и религиозной литературы. Пастыря допрашивали более сорока раз, порой по пять–десять часов. На шестнадцатом

84 12 декабря 1938 г. [Ванв (Париж)] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 36 – 36 об.

85 28 декабря 1938 г. [Ванв (Париж)] // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Л. 37.

86 Там же. Л. 36 – 36 об.

87 Письмо от 9 апреля 1961 г. // Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову) / ред. О. В. Косик. Т. 2. Москва, 2013. С. 509.

88 Письмо от 19 октября 1957 г. // НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 57. Т. 2. С. 506.

89 Информационный отчёт о состоянии, положении и деятельности Русской Православной Церкви по Калининской области за 2 кв. 1949 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 485. Л. 31.

допросе он признал свою вину, был приговорён к двадцати пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в Дубравлаге, где познакомился с епископом Афанасием (Сахаровым). В 1955 г. был досрочно освобождён с сохранением судимости. Помогла кампания разоблачения сталинских преступлений. С 8 декабря 1956 г., с учётом состояния здоровья, его определили в Балтский монастырь в Одесской области⁹⁰. После ссылки он уже «не чувствовал в себе достаточных сил для практической работы на приходе», однако не потерял живого интереса к литургике и литургическому служению⁹¹.

В 1957 г. архимандрит Стефан был реабилитирован. О его жизни тогда вспоминал очевидец:

«О. Стефан Светозаров получил Святейшее благословение переехать в Лавру, где, прожив недели три, не прописался — не удалось <...> Словом <...> всё ещё скитается с места на место, и это очень печально»⁹².

С июня 1959 г. направлен в Свято-Духов монастырь в Вильнюсе⁹³, был настоятелем. Как сообщает французский сайт Вавнского прихода, между 1963 г. и 1965 г. один француз, приехавший с визитом в Вильнюс, встретил архимандрита Стефана, помещённого в психиатрическую больницу и «потерявшего рассудок». Было ли у него какое-либо заболевание или он проявил «слишком большую пастырскую инициативу» и власти «применили к нему соответствующую терапию» — неизвестно⁹⁴. По крайней мере, в 1950 г. управляющий Калининской епархией архиепископ Алексей (Сергеев) отмечал в его поведении «странности», которые, впрочем, оправдываются опасениями слежки за бывшим эмигрантом:

«Станный он человек, за короткое время переменил в Калинин около десяти квартир. Приходя в квартиру, он спрашивает, кто живёт за стенкой, стучит по стенкам пальцем и прислушивается, обращает внимание на радиопроводку и сразу же предлагает

90 Письмо от 19 октября 1957 г. // Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову) / ред. О. В. Косик. Т. 2. Москва, 2013. С. 505.

91 Там же. С. 506.

92 Письмо А. Я. Проваторова епископу Афанасию (Сахарову) от 26 января 1959 г. // Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову) / ред. О. В. Косик. Т. 2. Москва, 2013. С. 220.

93 В то время братия монастыря насчитывала восемь человек (Там же. С. 508).

94 Archimandrite Stéphane (Svetozarov) // L'héritage de la paroisse de la Sainte Trinité: L'Eglise Orthodoxe à Vanves. URL: <https://eglise-orthodoxe-vanves.org/personnalites/archimandrite-stephane/?p=personalities#>

снять её; на замечание, что радио можно выключить и не слушать, если оно мешает, он ответил: через него можно не только слушать, но и смотреть»⁹⁵.

Скончался архимандрит Стефан в 1969 г., похоронен в Вильнюсе на монастырском кладбище.

Заключение

Таким образом, в письмах представителей трёх групп священнослужителей, русских эмигрантов в Западной Европе, можно отметить общие для всех переживания по поводу необходимости сохранять связь, в том числе каноническую, с Московским Патриархатом, бороться за единство между собой и противостоять разделению, хотя бы через сдерживание осуждения и терпеливое отношение к инакомыслящим. В указанный период приверженцы разных направлений не придерживались жёстких ограничений в отношении друг друга. В то же время можно отметить сохранявшееся разногласие между ними и отказ от официального сослужения, хотя практика взаимного «запрещения» архиереями друг друга и осуждалась. Весомой причиной разделений в русском зарубежье было разное отношение к политической системе в России, к политике вообще и её локальным проявлениям в частности. «Параллелизм» юрисдикций, быстро перешедший в открытые конфликты, истощал силы церковного сообщества, отвлекая пастырей и пасомых от основной задачи — спасения душ. С другой стороны, в западном мире, свободном от коммунистической агрессивной антирелигиозности, он позволил некоторым формам церковной жизни развиваться и накопить положительный опыт. Тема безусловно нуждается в дальнейшем изучении и пополнении источниковой базы.

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. Р-6991. [Совет по делам религий при Совете Министров СССР]. Оп. 1 (1943–1965 гг.). Д. 20. [Материалы по православной церкви во Франции].

ГАРФ. Ф. Р-6991. [Совет по делам религий при Совете Министров СССР]. Оп. 1 (1943–1965 гг.). Д. 485. [Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Калининской области и переписка с ним за 1949 г.].

95 Информационный отчет о состоянии, положении и деятельности Русской Православной Церкви по Калининской области за 3 кв. 1950 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 635. Л. 22.

- ГАРФ. Ф. Р-6991. [Совет по делам религий при Совете Министров СССР]. Оп. 1 (1943–1965 гг.). Д. 635. [Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Калининской области и переписка с ним за 1950 г.].
- НАРК. Ф. 762. [Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь (1794–1940 гг.)]. Оп. 1 (1794–1940 гг.). Д. 57. [Письмо протоиерея Иоанна Кронштадтского; переписка монастыря с белоэмигрантами].
- НАРК. Ф. 762. [Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь (1794–1940 гг.)]. Оп. 1 (1794–1940 гг.). Д. 138 (1). [Письма личного характера к монахам].
- НАРК. Ф. 762. [Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь (1794–1940 гг.)]. Оп. 1 (1794–1940 гг.). Д. 138 (2). [Письма личного характера к монахам].
- НАРК. Ф. 762. [Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь (1794–1940 гг.)]. Оп. 1 (1794–1940 гг.). Д. 154. [Прошение настоятеля Печенгского монастыря игумена Иоакима о переводе его в Валаам, письма к нему белоэмигрантом Насонова и протоиерея Солодовникова].

Источники

- Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) и митр. Евлогия (Георгиевского), Управляющего православными русскими церквями в Западной Европе 1927–1930 гг.: Документы из Архива ОВЦС МП // ЦИВ. 1998. № 2. С. 75–110; № 3. С. 105–124; № 4. С. 124–145; 1999. № 1. С. 218–261.
- По делу митрополита Евлогия // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы / ред. прот. В. Силовьев. Москва: Издательский совет Русской православной церкви, 2001. [ЖМП. 1931. № 2]. С. 24–30; [1931. № 3]. С. 37–39; [1931. № 6]. С. 75–80; [1932. № 7–8]. С. 85–88.
- После десятков лет взаимного разобщения // ЖМП. 1995. № 5. С. 53–54.
- «Приказ: архив уничтожить!» Прибалтийский Экзархат и Псковская Православная Миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: сб. документов / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург: Арт-экспресс, 2016.

Литература

- Агеев Д., свящ. Экзархат православных русских приходов в Западной Европе: Хроника взаимоотношений с Русской Православной Церковью // ЦИВ. 2007. № 12/13. С. 5–53.
- Александров И. О значении Русского Экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе // ВРСХД. 1960. № 56. С. 17–20.
- Антонов В. В., Кобак А. В. Русские храмы и обители в Европе. Санкт-Петербург: Лики России, 2005.
- Афанасий (Нечаев), архим. От Валаама до Парижа. Москва: Фонд «Духовное наследие митр. Антония Сурожского», 2011.

- Братство Святой Софии: Материалы и документы, 1923–1939 / сост. Н. А. Струве. Москва; Париж, 2000.
- Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Москва: Московский рабочий, 1994.
- Елевферий (Богоявленский), митр.* Церковный парижский откол. [Каунас], 1931.
- Зверева С.* Страницы истории православной духовной музыки в Великобритании // Русское присутствие в Британии / сост. Н. В. Макарова, О. А. Моргунова (Петрунько). Москва: Современная экономика и право, 2009. С. 143–158.
- Зорина М. А.* Западно Европейский Экзархат Русской Православной Церкви в начале 30-х гг. XX в. // Альфа и Омега. 2003. № 4(38). С. 325–336.
- Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия: 1920–1970. Нижний Новгород: Чёрная Сотня, 2019.
- Косик В. И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: Материалы к словарю-справочнику. Москва: ПСТГУ, 2008.
- Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. Москва: ПСТГУ, 2012.
- Кузнецов В. А.* Русское православное монашество в XX веке: биографический справочник. Екатеринбург: Барракуда, 2014.
- Куломзин Н. А., свящ.* Церковное положение Экзархата Патриарха Вселенского в Западной Европе: Завет митрополитов Евлогия и Владимира // ВРСХД. 1960. № 56. С. 12–16.
- Назаров М. В.* Три ветви русского зарубежного православия // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 3–13.
- Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический справочник. Москва; Париж: YMCA-Press, 2007.
- Обозный К. П.* Планы и перспективы объединения православных церквей на оккупированных территориях СССР и центральной Европы под эгидой экзарха Сергия (Воскресенского) в 1941–1944 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 88. С. 58–77.
- Ответ митрополита Сергия (Страгородского) журналисту Ишевскому цит. по: Письмо митрополита Елевферия [Богоявленского] на имя журналиста Д. А. Ишевского от 23 декабря 1933 г. (ст. ст.) // Утренняя заря. 1934. № 6–7. С. 52–53.
- Письма разных лиц к Святителю Афанасию (Сахарову): в 2-х т. / вступ. ст., примеч., подготовка текста О. В. Косик. Т. 2. Москва: ПСТГУ, 2013.
- Письма иеромонаха Афанасия (Нечаева) иеросхимонаху Ефрему (Хробостову) из Парижа на Валаам (1927–1929) / публ. Т. И. Шевченко // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 113. С. 143–170.
- Польский М., протопр.* Очерк положения Русского Экзархата Вселенской юрисдикции. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1952.
- Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники: с приложением систематической библиографии. Москва: ИПВА, 2005.

- Попов А. В.* Русская Православная Церковь за границей: образование и раскол (1920–1934) // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 162–185.
- Пузович В.* Константинопольский патриархат и православная диаспора в XX в.: полемика вокруг создания экзархата православных русских церквей в Западной Европе // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. № 5 (55). С. 26–44.
- Савва (Тутунов), иером.* Церковно-правовые основания существования «Парижской Митрополии» в 1921–1946 гг. // ЦИВ. 2005–2006. № 12–13. С. 104–113.
- Савва (Тутунов), иером.* «Независимая архиепископия» в Париже: 1965–1971 гг. // XVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. 1. Москва: ПСТГУ, 2007. С. 304–307.
- Савва (Тутунов), иером.* Западноевропейский экзархат русских приходов Константинопольского Патриархата // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 608–610.
- Смирнова И. А., Яровой О. А.* Валаам: под флагом Финляндии. Петрозаводск: А. А. Григорович, 2001.
- Соловьев И. В.* Дни примирения: Попытка воссоединения Русского Западноевропейского Экзархата с Московской Патриархией // ЦИВ. 1999. № 4/5. С. 232–245.
- Старк Борис, [прот].* По страницам Синодика // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. 5. Москва: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 565–647.
- Столетие двух эмиграций. 1919–2019 гг.: сборник статей / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. Москва: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019.
- Тальберг Н. Д.* К сорокалетию пагубного евогианского раскола. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1966.
- Хмыров Д. В.* Русская Православная Церковь за границей в 20-е гг. XX в. Санкт-Петербург: СПбДА, 2016.
- Archimandrite Stéphane (Svetozarov) // L'héritage de la paroisse de la Sainte Trinité: L'Eglise Orthodoxe à Vanves. [Наследие прихода Святой Троицы: Православная Церковь в Ванве]. [Электронный ресурс]. URL: <https://eglise-orthodoxe-vanves.org/personnalites/archimandrite-stephane/?p=personalities#> (дата обращения 1.05.2023).